

Моск. новости, 1989, 26 нояб.
(№ 42) - с. 28.

Жаль, что вас не было с нами все это время

Василий Аксенов, писатель, профессор Вашингтонского университета, прилетел в Москву вечером 15 ноября после почти десятилетнего отсутствия на Родине, откуда он эмигрировал по политическим причинам.

В аэропорту Шереметьево-2 писателя, бывшего десятки лет кумиром читающей публики, встретили друзья, писатели и корреспонденты.

— Что вы сейчас испытываете?

— Ну что может испытывать человек, когда его хватают самые близкие люди и начинают горячо терзать? Я испытываю некоторую растерянность.

— По чьему приглашению вы приехали?

— По приглашению американского посла Джека Мэтлока, моего старого приятеля. Он предложил мне это, и я решил воспользоваться, чтобы увидеть страну, почувствовать, как она живет, увидеть изменения. Когда мне говорят, что это несколько странно — приехать сюда по приглашению посла Соединенных Штатов, то я отвечаю очень просто: никто больше не приглашал. К тому же официально я до сих пор, кажется, считаю себя человеком криминальным, лишенным гражданства. Это решение никто не отменял, и поэтому мне не очень-то хотелось обращаться с какими-либо просьбами.

— В ваши планы входит возвращение на Родину?

— Нет, не входит, потому что десять лет все-таки не выбросишь в форточку. Там, где я живу, у меня есть обязательства, я вхожу в какой-то степени в литературный процесс, в академический процесс этой страны — преподаю в университете. Наконец, я живу там. Но я хочу часто приезжать в Советский Союз, видеть, что происходит, и, может быть, выйдя в отставку, купить или построить домик на склоне Крымских гор, где, может быть, к тому времени возникнет благоприятная атмосфера.

— Будет ли ваша поездка носить деловой характер?

— Возможно, я встречу с книгоиздателями. Журнал «Юность» собирается начать печатать с первого номера будущего года «Остров Крым», что для меня звучит фантастически. Но я знаю, что «Радуга» уже напечатала отрывки из него. К тому же Эллендеа Проффер, президент «Ардиса», говорила мне, что во время последней книжной ярмарки был проявлен какой-то интерес к моим книгам со стороны советских издательств. У меня будет встреча с читателями. Кроме этого, я хочу увидеть пьесу по книге моей матери «Крутой маршрут» в театре «Современник» и по моей «Затворенной бочкотаре» в театре-студии Олега Табакова. И просто хочу немножко походить по улицам.

— Означает ли ваш приезд, что вы изменили свое мнение о Советском Союзе?

— Я его никогда не обострял.

— Но в ваших книгах оно высказано достаточно определенно.

— Оно таково, но специально я не сосредоточивал на этом внимание.

— Вы выскажете его здесь?

— Я не собираюсь вообще играть здесь какую-либо политическую роль, потому что здесь сейчас достаточно людей, которые эту роль играют. Писатель же вообще не должен играть политической роли в обществе. Это дело политиков. Когда их в обществе нет, тогда писателю приходится брать на себя эти функции. Когда я брал какие-то острые, болевые моменты и использовал их в своих книгах, они были лишь строительным материалом.

— Вы считаете, что сейчас появились действительные политики?

— Да.

— Что вы думаете о Михаиле Горбачеве?

— Я очень ценю его. И считаю появление Горбачева в советском обществе своего рода чудом, потому что он принадлежит к моему поколению, которое, в общем-то, потерпело поражение, которое было жестоко разбито — я имею в виду и партий-

цев — и переживало весьма глубокие разочарования. Им, этим людям, казалось, что уже никогда не вернется время надежд. А Горбачев оказался одним из тех, кто вернул это время. И я думаю, что то, что сейчас происходит, во многом его заслуга.

— Вы знаете что-либо о работе советского парламента?

— Очень мало. Хотя американская пресса очень много уделяет этому внимания. Да и моя жена, которая была здесь в июне и все время смотрела телевизор, рассказывала мне об этом. Конечно, это здорово.

— Вы рассчитываете на какой-либо официальный интерес к вашей поездке?

— Нет, и меня это абсолютно не волнует. Но если кто-то заинтересуется, то я, как человек воспитанный, не откажусь.

— Вы не собираетесь снова собрать «Метрополь» и возродить альманах силами старых друзей?

— Разве что в порядке ностальгического, потому что это был своего рода бросок на колючую проволоку, чего сейчас не требуется.

— А что вы можете сказать по поводу высказывания Эллендеа Проффера, вашего главного русскоязычного издателя, о том, что Аксенов имел прекрасные рецензии, но широко читаемым писателем в США он никогда не будет?

— Так оно и есть. Но я все-таки рассчитываю когда-нибудь продать некоторое количество своих вещей. Всякий писатель надеется на это. Но преследовать эту цель я никогда не буду. Пусть успех догоняет тебя, а не ты его — вот в чем дело.

— Принесли ли годы изгнания вам что-либо?

— Колоссально много. Во-первых, я бы даже сказал о некотором приобретении метафизического опыта. Затем — приобщенность к космополитическому сознанию мира. Я больше почувствовал реальность нашего мира, живя в Америке и путешествуя всюду. Но, к сожалению, я оторвался от реальности своей Родины, которая с годами становилась для меня явлением скорее литературным. И одна из целей этой поездки — попытаться включить Россию в то ощущение всего человечества, какое у меня есть.

— У вас есть здесь враги?

— По-моему, да. Но я не знаю их имен, да и не стоит выносить литературные свары на поверхность.

— Не опасаетесь ли вы, что ваш приезд вызовет противодействие каких-нибудь крупных чиновников?

— Может быть. Я знаю, что еще относительно недавно против меня была организована кампания в журнале «Крокодил», который выходит тиражом в три с половиной миллиона экземпляров. Это было сделано по команде с очень большого верха. Но потом что-то явно и резко переменялось... Должен сказать, что меня в течение многих лет переоценивали, делая из меня политическую фигуру. Просто, если уж выпадало на долю отвечать за какие-то политического толка дела, то я старался от этого не уклоняться.

— Вы следите за литературным процессом, который протекает здесь?

— В значительной степени. Хотя я профессорствую и очень много занимаюсь девятнадцатым веком, Гоголем в частности. И «серебряным веком» тоже, поэтому времени очень мало. Но стараюсь, слежу, читаю «Огонек», «Новый мир».

— Вы можете назвать какие-либо имена?

— Очень многое из того, что появляется сейчас, я знал еще в рукописях, и новые прозаики пока еще не появились. Поэты интересные есть.

Иван ПОДШИВАЛОВ.